

23 ФЕВРАЛЯ ИЗВЕСТНОМУ ИСТОРИКУ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТОРУ, ИССЛЕДОВАТЕЛЮ, ЗНАТОКУ, ПОКЛОННИКУ ПАРИЖА ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ И 30 ЛЕТ ЕГО РАБОТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ РУССКОМ МУЗЕЕ. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОБЕСЕДОВАЛА С ЮБИЛЯРОМ НАКАНУНЕ ДНЯ РОЖДЕНИЯ

— Нам не хватает приличия, доброжелательства (пусть внешнего), умения радоваться мелочам бытия. Невыспавшийся француз утром спешит на работу, и глаза его блещут: «Есть работа, день начался!» «Опять на работу», — читается на наших лицах. Французы не более трудолюбивы, чем мы, просто иначе воспринимают реальность...

Михаил ГЕРМАН:

Петербургские пространства под смертельной угрозой

Фото из архива Михаила Германа

САМОЕ ЦЕННОЕ В ПАРИЖЕ ДОСТАЕТСЯ ДАРОМ

— Михаил Юрьевич, когда-то вы к слову заметили, что настоящих юбилеев в жизни человека всего два — 50-летие и 75-летие. Как себя ощущаете при новой круглой дате? Судя по вашей активности, замечательно?

— Вашими бы устами... Однако что кокетничать мнимой бодростью, что ныть — в моем возрасте неприлично. Я могу много работать за письменным столом и выглядеть достаточно корректно. Остальное обсуждать вряд ли стоит.

— Свой юбилей вы решили отметить в Париже...

— Мы с женой — Наталией Викторовной Черновой — стараемся бывать в Париже как можно чаще. Конечно, это требует и физических, и прочих затрат. Но именно они — мы уверены — подлинная ценность, ради которой так легко отказаться от суетных соблазнов вроде евро-ремонта или машины. Париж возмещает все сторицей. Чем чаще возвращаешься наяву к казавшимся несбыточными книжным мечтаниям детства, тем счастливее протекает «осень жизни».

— Сейчас, когда многие получили возможность увидеть мир, парижский миф, как кажется, утрачивает свою былую притягательность. «Увидеть Париж и умереть» уже не работает...

— Как раз это и помогает понять истинные ценности Парижа. Ведь самое ценное и значительное там не стоит больших денег, а то и достается даром: вино за стойкой дешевого кафе, поездка на чистом удобном автобусе, улыбка прохожего, шутка гарсона в брассри, отблеск неба на золотой гирлянде, украшающей черный купол Института! Любовь к этому «ценному и значительному», к этому самому «belle est la vie!» уравнивает людей, как всякая общая страсть. Этот бескорыстный культ удовольствия дарит едва ли не равную радость «снобину», пробующему коллекционное вино в родовом замке, и завсегдатаю маленького бистро, смакующему у стойки бокал красного, старушке, подставляющей высохшее личико солнцу в парке Монсо, или интеллектуалу, отыскав-

ДОСЬЕ
Михаил Юрьевич Герман родился 23 февраля 1933 года в Ленинграде, в семье известного советского писателя Юрия Павловича Германа. Брат — знаменитый российский режиссер Алексей Юрьевич Герман. В 1957 году Михаил Герман окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры. Историк искусства, доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник Государственного Русского музея, член Международной ассоциации художественных критиков, член Союза писателей СПб и Союза журналистов СПб, лауреат нескольких литературных премий, в т.ч. премии правительства Санкт-Петербурга в категории «проза» за книгу «Неуловимый Париж». Автор более пятидесяти книг и множества статей по истории искусства: «Домье», «Давид», «Хогарт», «Ватто», монографий о Мемлинге, Марке, Сутине и др., исследований об искусстве Франции, мемуаров «Сложное прошлое»; «В поисках Парижа, или Вечное возвращение». Читал лекции во Франции, Польше, Болгарии.

шему редкую книжку на улице Бонапарт... «Для французов действительно ничего не важно, кроме повседневной жизни и земли, которая им ее дает...» — эти слова Гертруды Стайн объясняют многое.

И — главное. Так сказать, бытовой демократизм. Когда к жалкому, уснувшему на панели клошару полицейский обращается «месье», когда непреклонные контролеры в автобусе приветливо здороваются с каждым, кого просят предъявить билеты, а с зайцами говорят тихо, чтобы не поставить их в неловкое положение перед остальными, — этот стиль кажется мне немаловажным свидетельством социального приличия. Когда в разговоре люди чувствуют неловкость, признавая, что у них очень дорогая машина, когда богатство не выставляется напоказ, бедность не вызывает презрения, а к инвалиду в коляске относятся не как к калеке, а как к «собеседнику на жизненном пиру», — как не восхищаться этой страной.

ЛЮБЛЮ ГОРОД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВОСПОМИНАНИЙ

— Вы имеете возможность наблюдать Ленинград — Петербург в течение многих десятилетий. В какие времена он вам нравился больше всего?

— В студенческие годы. Он меня спасал, в нем растворялись, истаявали юношеские душевные смуты, в нем оттачивалось понимание зодчества и, конечно, литературы. В юности прошлое города, его история были моими, а нынче его будущее закрыто, настоящее суетно и чуж-

до, минувшее стало «брендом» — «всё на продажу». Мне все труднее пробиться к городу сквозь избыток временных наслаждений, сквозь морщины, рубцы, сквозь грубый грим, это гламурное сияние фасадов в центре и лютую грязь и разруху незнакомых начальству улиц, сквозь вибрирующую в воздухе агрессию, да и сквозь собственную усталость... Было бы смешно сетовать на то, что поносят озлобившиеся и униженные старики: бездарную малограмотную рекламу с «заграничным акцентом», недоступные, хотя и сомнительные вещи в претенциозных постсоветских «бутиках», неприличное изобилие дорогих машин на фоне бедности. Все это действительно противно. Но таковы естественные приметы процесса расставания с былым, еще более уродливым и рабским временем. Хотя многого можно было избежать, имей и мы сами, и власти более вкуса, такта и доброты.

— Учились вы в Академии художеств, работаете в Русском музее и живете на Васильевском острове. Есть ли у вас какие-то особые петербургские пространства, где вы и чувствуете себя по-особому?

— Петербургские пространства под смертельной угрозой. Примеры множатся, и убогая офисная помпезность «Новой Мариинки» тому несомненное подтверждение. Гюго писал о Париже: «Он более чем велик, он необъятен. Почему? Потому, что дерзает. Дерзать — вот цена прогресса». Дерзать наше зодчество не умеет. Или ему мешают. Конечно, многое я люблю по-прежнему. Но — сквозь призму воспоминаний.

ПОМНИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

— Вы написали более 50 книг. Это и монографии, посвященные художникам, и фундаментальные исследования по истории искусства, и замечательные мемуары «Сложное прошлое», и превосходный, по сути интеллектуальный путеводитель по Парижу «В поисках Парижа, или Вечное возвращение». Есть ли среди них любимые? Или, как это часто бывает, самая новая и есть самая любимая?

— Вы и назвали любимые, хотя слова «интеллектуальный путеводитель» мне не кажутся точными. Разве книга о любви может быть путеводителем! Кстати, именно эти книги — основательно доработанные — составили трехтомник (мемуары печатаются в двух томах), который сейчас выходит. Почти все главные мои сочинения связаны с Парижем. От первой большой книги «Домье» (1962), не раз издававшегося «Ватто», книгах о Парижской школе и т. д. до готовящейся к печати фундаментальной монографии «Пикассо: путь к триумфу» и исследования об Эдуарде Мане, которое я пишу сейчас...

— Отдел новейших течений Русского музея, где вы много лет трудитесь, — это, если можно так выразиться, передовая пластических искусств. Что, на ваш взгляд, сейчас происходит на этом фронте? Не наступает ли закат классического искусства, на смену которому идут какие-то совершенно новые формы?

— Нет времени, которое не считало бы себя безвременьем. Истинный смысл искусства: создание новой реальности, иное видение. Ныне же все это сменилось целенаправленными играми (или заигрываниями) разума, нередко настоящими просто на поисках успеха. Но «к чему бесплодно спорить с веком?». Разве модная инсталляция мешает ходить в Эрмитаж? Просто, как говорил Кант, надо «иметь мужество пользоваться собственным умом».

— На вашем рабочем столе несколько памятных предметов. Мы — это наша память?

— Анни Жирардо сказала: «Я живу, чтобы помнить». Я мог бы перефразировать ее слова: «Помню, чтобы жить».